

Российская академия наук
Институт восточных рукописей (Азиатский Музей)

ТЮРКО-МОНГОЛЬСКИЙ МИР: ИСТОРИЯ И КУЛЬТУРА

Материалы международной научной конференции,
посвященной 90-летию со дня рождения
С.Г. Кляшторного

Москва
Наука–Восточная литература
2019

А.И. ОРАЗБАЕВА*

К проблеме казахской государственности в трудах С.Г. Кляшторного

Статья посвящена как проблемам государственности казахов, так и освещению различных аспектов данного вопроса в трудах С.Г. Кляшторного. Основное внимание уделяется таким аспектам наследия государственности, как историческая память, основы миропознания, социальный опыт, те неизменные константы, посредством которых люди позиционируют себя в современном мире. Их изучение в рамках нового междисциплинарного направления науки – государствоведения предоставляет возможность панорамного видения геополитических, политико-правовых, социокультурных аспектов казахской государственности.

Ключевые слова: государственность казахов, политико-правовая культура, историческая преемственность.

DOI: 10.25882/n17k-e818

Прежде всего разрешите выразить благодарность за приглашение организаторам конференции. Очень рада тому, что удалось приехать и вместе с вами почтить память Сергея Григорьевича, отдать дань уважения замечательному ученому, чье творчество и научное наследие, как вам известно, имеет непосредственное отношение также к истории и культуре казахского народа. Я имела честь быть лично знакомой с Сергеем Григорьевичем благодаря своему наставнику проф. М.Х. Абусеитовой, которая, в свою очередь, была ученицей С.Г. Кляшторного и тесно сотрудничала с ним. Сегодня ни один ка-

* Алтайы Иранбековна ОРАЗБАЕВА — доктор исторических наук, профессор кафедры социально-гуманитарных дисциплин Казахстанского филиала Московского государственного университета имени М.В.Ломоносова (Астана, Казахстан); altaiy_orazbaeva@mail.ru

захстанский историк, тюрколог, востоковед, занимающийся проблемами древнего и средневекового периодов, не обходится без реверанса в сторону творческого наследия С.Г. Кляшторного: пространственно-временные рамки, историко-лингвистическое содержание и этнокультурная направленность его работ предопределяют высокую цитируемость публикаций С.Г. Кляшторного в Казахстане.

Сказанное имеет прямое отношение и к заявленной теме доклада — проблеме государственности казахов. В новом издании нашей книги «Формула государственности казахов» [Оразбаева, 2017] предпринята попытка концептуального освещения теоретико-методологических проблем генезиса и эволюции казахской государственности в рамках интегрированного направления и формата современной науки и практики — государствоведения. С.Г. Кляшторный не занимался непосредственно исследованием проблем казахской государственности или периодом казахского ханства, и его отдельные высказывания либо заключения по данным вопросам не всегда и не во всем могут коррелировать с авторским мнением. Итак, рассмотрим примеры комплементарности наших выводов с заключениями С.Г. Кляшторного.

В целом понятие «государственность» предполагает панорамное видение и изучение тесно переплетенных между собой процессов взаимовлияния и взаимодействия различных аспектов — геополитического, политико-правового, социально-экономического, социокультурного, — поскольку показателем состоятельности государства выступают не столько привычные нашему пониманию формальное оформление государства либо объективно-материальные факторы, сколько прежде всего культурно-духовные составляющие, ценностные характеристики, непосредственно связанные с историко-культурным контекстом. Одним словом, целостное рассмотрение данной категории в динамике, в разрезе проблем исторической преемственности дает основание полагать, что основное внимание при изучении кочевых форм политий на территории Казахстана должно быть сфокусировано на таких важных знаменателях ее формулы, как ландшафт Великой степи, ее главные фигуранты — кочевники Евразии, тюркские и монгольские традиции, ценностно-смысловые архетипы политико-правовой культуры, традиционные социополитические институты, система жузов, — которые вкуче содействовали сложению архитектуры национальной государственности казахов.

Немецкий философ Иоганн Гердер говорил: «История есть движущаяся география, а география — остановившаяся история». Начнем со специфики геополитического аспекта казахской государственности.

Влияние силы «природы», «пространства», «почвы», а также «духа ландшафта» на территориальную организацию государства и образ государственности неоспоримо. По утверждению маститого ученого в области антропогеографии Ф. Ратцеля, «государства на всех стадиях своего развития рассматриваются как организмы, которые с необходимостью сохраняют связь со своей почвой и поэтому должны изучаться с географической точки зрения...» [Дугин, 2016]. В данном ключе, безусловно, Великая степь Евразии, обусловившая самобытность и специфику территориальной организации и геополитических измерений казахской государственности, явилась историческим фоном, панорамой генезиса и эволюции государственности казахов. Магистральное географическое расположение Казахстана между пространственными границами оседло-земледельческих культур, активная вовлеченность населения Великой степи в политическую орбиту взаимодействия различных государств и цивилизационных волн, а также сочетание горных, пустынных, лесных ландшафтных зон, отдаленное расположение от океанов и морей не только предопределили склад хозяйственно-экономических типов, но и форму государственности в данном регионе. Вот что пишет об этом С.Г. Кляшторный: «Следует особо оговорить значимость для истории и повседневной жизни Казахстана и Средней Азии одного из важнейших факторов ее хозяйственно-культурного развития, во многом предопределенного экологией региона. Речь идет о преобладании здесь (преимущественно в степной и горно-степной зоне) кочевого образа жизни, обусловленного основным типом хозяйственной деятельности — экстенсивным скотоводством. Именно кочевое скотоводческое хозяйство позволило на рубеже II–I тыс. до н.э. начать освоение, казалось бы, бескрайних пространств Великой степи — аридного пояса Евразии. В течение нескольких тысячелетий кочевое хозяйство оставалось безальтернативным способом экономического освоения степей, а кочевой быт — единственной формой жизни населяющих степь племен и народов» [Кляшторный, Султанов, 2009: 3].

Возьмем следующий знаменатель: ранние и поздние кочевники Евразии — саки, гунны, древние тюрки, кипчаки и монголы — несомненно являлись главными действующими лицами в Великой степи, творцами, заложившими основу уникальной по природе государственности, атрибутами которой могут выступать «военная демократия», «кочевая империя», «степная демократия», институты самоуправления, игравшие своего рода роль «степного парламента», зачатки меритократии, геронтократии и пр.

Как известно, С.Г. Кляшторный (в соавторстве с Т.И. Султановым) на основании древнеиранских, античных, китайских источников одним из первых подробно и целостно, системно изложил историю древних кочевников Евразии. В частности, нижеследующий отрывок свидетельствует о глубоком понимании ученым внутренней природы мира кочевников, которое и по сей день, несмотря на изобилие новых трактовок в неонамадологии, все еще остается актуальным: «Держава гуннов, выросшая из племенных союзов жунских племен V–IV вв. до н.э., сложилась в борьбе не на жизнь, а на смерть с соседними племенными союзами и китайскими царствами. Основатели страны и их преемники видели свою главную цель в господстве над „всеми народами, натягивающими лук“ (т.е. над кочевниками) и превосходстве над „людьми, живущими в земляных домах“ (т.е. над оседлыми земледельцами); такое государство могло существовать только как централизованная империя, организованная на военно-административных принципах... В то же время вся эта знать, сохраняя внутривидовые и внутривидовые связи, выступала и как патриархальная верхушка племен, как их „естественные“ вожди, кровно связанные с рядовыми соплеменниками... Степень реализации права собственности целиком зависела от места того или иного знатного лица в военно-административной системе, что, в свою очередь, предопределялось его местом в родоплеменной иерархии. Вся эта структура обладала достаточной устойчивостью, чтобы обеспечить гуннской империи более трех веков существования и еще несколько веков жизни мелким гуннским государствам» [Кляшторный, Султанов, 2009: 29].

Непрерывность и историческая преемственность между ранними и поздними кочевниками Евразии, сходная типология их политий начиная с хуннской конфедерации, продолжая возникшими на руинах Великого тюркского каганата потестарно-политическими конструкциями и социокультурными институтами, вплоть до Великой Монгольской империи, иногда доходили до полного тождества. И все они были достаточно идентичны, за исключением тех случаев, когда характер властно-подчиненных отношений в данных политиях лавировал между духовными идеологемами, политической культурой и нравственно-правовыми нормами кочевых обществ, включая социокультурную основу традиционного казахского социума XV–XVIII вв. «Становление государственности на территории Центральной Азии, Южной Сибири и Поволжья в раннем средневековье (VI–XI вв.) связано с образованием Тюркского каганата, традиции которого были унаследованы Уйгурским каганатом, государствами кыргызов на Верх-

нем Енисее, кимаков и кипчаков на Иртыше, Болгарским государством и Хазарским каганатом в Поволжье и на Северном Кавказе. Единство общественного устройства, этнокультурного родства и сходство политической организации всех этих государств позволяют рассматривать время их существования и преобладания в Великой степи как относительно цельный историко-культурный период — период степных империй», — считает С.Г. Кляшторный.

И опять же, как известно, эпоха тюрков являлась главной в творчестве С.Г. Кляшторного. «Степная империя тюрков и ее наследники» — именно так он называл период, в который, согласно его утверждению, «сложился комплекс материальной культуры (тип жилища, одежда, средства передвижения, пища, украшения и т.п.), приобрела известную завершенность духовная культура, социально-семейная организация, народная этика, изобразительное искусство и фольклор. Наиболее высоким достижением этой эпохи стало создание тюркской рунической письменности, распространившейся со своей центрально-азиатской родины (Монголия, Алтай, Верхний Енисей) до Подонья и Северного Кавказа» [Кляшторный, Савинов, 2005: 10–11].

Очень много интересного, а главное — подтверждение своих выводов о том, что новшеством традиций государственности тюрков следует признать создание и укрепление четкой вертикали власти в политической конструкции общества на основе системы социальных ценностей, опорой для которых служила идеологическая схема: страна–правитель–народ–племя–род (*ел-елхан-халық-тайпа-ру.* — А.О.), мы находим в трудах С.Г. Кляшторного. «Тюркский эль, как и любое из племен, входивших в него, был детально ранжированным сообществом... — считает Сергей Григорьевич, — положение каждого эра (*ер.* — А.О.) определялось прежде всего степенью привилегированности его рода и племени. Строгая иерархия родов и племен была в кочевнических государствах Центральной Азии основополагающим принципом общественного и государственного устройства».

Выражая полное согласие с данным мнением ученого, со своей стороны можем лишь добавить, что базовым элементом в этом ряду социальных ценностей выступала категория *ел*, тождественная в русском языке понятию «народ», «государство», «страна». Символическим отражением *ел* был титул «ильхан» (в прямом смысле казахского *ел ханы*, т.е. «кровный предводитель народа»), которого был удостоен лишь основатель тюркского «Вечного Эля» (отсюда исходят истоки современной национальной идеи *Мәңгілік Ел*) Бумын каган (*қаған*, монг. *хаан* — «великий хан») [Малов, 1951: 100; Бичурин, 1998: 225].

Тюркский каган был не единственным и единичным правителем государства в отличие от средневековых монархов западноевропейских стран. Власть кагана ограничивалась: во-первых, волей простого народа «кара будун», выступающего основным живым ресурсом военно-политического потенциала государства; во-вторых, волей «беков» и «беев», ограничивших свободу действий кагана в отношении «кара будун», поскольку последний находился в прямом подчинении у них; в-третьих, власть кагана могла осуществляться лишь в рамках традиционного восприятия кочевым сообществом категорий «права», «морали» и «справедливости» [Садри Максуди, 2002: 217].

В целом здесь следует четко различать функциональную особенность институтов вертикальной социальной мобильности в традиционном казахском обществе, заключающуюся в выполнении не столько вопросов политико-правового характера, сколько комплекса социальных, культурно-духовных начал, их целостного разрешения. Задача институтов вертикальной социальной мобильности состояла не в управлении, а в защите интересов кочевого социума и сохранении целостности всего этноса. Вот что пишет по этому поводу С.Г. Кляшторный: «Определяя формы вертикальной социальной мобильности, описываемое общество следует с некоторыми оговорками отнести к социологически открытым, чему, казалось бы, противоречит его строго иерархизованный характер. Однако роль богатства и личной воинской доблести создавали часто реализуемые предпосылки к продвижению или деградации, с последующей дифференциацией, не нарушавшей цельности системы. Лишь на самой высшей ступени власти изменение статуса неизбежно сопровождалось насильственной сменой всей правящей родоплеменной группировки и, строго говоря, одновременным изменением всего состава привилегированного сословия.

Вместе с тем допустимые формы вертикальной мобильности не носили регулярного и узаконенного характера. Они воспринимались обыденным сознанием, но не имели оправдания в политической доктрине в высших формах идеологии, что, по всей вероятности, следует связать с общей незрелостью социально-политической структуры или, точнее говоря, с безысходной внутренней противоречивостью структуры кочевого общества» [Кляшторный, Савинов, 2005: 149].

Специфика вертикальной социальной стратификации традиционного казахского общества заключалась в том, что она представляла собой не закрытую (более характерную для геополитических организмов), а открытую демократическую, пронизанную духом критики,

легко изменяющуюся и приспособливающуюся к обстоятельствам внешней среды, основанную на морали «социальной справедливости», самобытную потестарно-политическую систему, базировавшуюся на принципе генеалогического родства.

Собственно именно в этом и заключаются степная традиция государственности, основанная на идеологии «от рода к государству», неизменность базиса и переменчивость надстроечных институтов, неэгалитарный, демократичный принцип организации социополитических институтов в традиционном казахском обществе, которые вкуче отразились на специфике констант триады государства: территория–население–власть, обладавших ценностно-символической природой.

Возьмем, к примеру, отношение в кочевой среде к понятию «власть». Ведь представление о правителе как о некоей харизматической личности, от которой зависит благосостояние всего народа, было широко распространено среди тюрков. Правителями степных держав обычно выступали лица, «обладающие небесной (священной) благодатью — *күт*». Небесная благодать, дававшая право на власть, была присуща не только данному правителю, но и являлась принадлежностью всего правящего рода, династии. Так, С.Г. Кляшторный утверждал, что во всех надписях тюркских каганов и их сподвижников настойчиво повторяется, что только каган с помощью своих родичей и свойственников способен «вскормить народ». В уцелевших фрагментах текста Бугутской надписи эта формула повторена трижды: про Муган-кагана (правил в 553–572 гг.) сказано, что он «хорошо вскормил народ». Бильге-каган постоянно напоминает, что он «одел нагой народ», накормил «голодный народ», сделал богатым «бедный народ»; благодаря ему «тюркский народ много приобрел», «ради тюркского народа» он и его младший брат Кюль-тегин «не сидели без дела днем и не спали ночью» [Кляшторный, Савинов, 1994: 69].

Рассуждая о формуле государственности казахов, нельзя обойти вниманием монгольские традиции государственности. Так, искусное сочетание традиционализма с текущей на тот момент современностью, преемственности и наследственности с предприимчивостью и новаторством, свойственные личности Чингиз-кагана, способны раскрыть суть логики, идеологии, практики монгольского государственностроительства. Идентичность системы иерархии, основанной на десятичной системе, берущей начало от реформ хуннского Моде шаньюя, почитание мандата духа Тенгри тюрков, проявления взаимовыручки по отношению к сородичам, интолерантности к предательству, соблюдение норм

геронтократии и меритократии наблюдались на атрибутивном примере менеджмента хана Жошы и его потомков. Вот какое мнение по этому поводу мы обнаруживаем у С.Г. Кляшторного: «Монгольское нашествие захватило и вовлекло в водоворот политических и военных потрясений множество тюркских племен, по преимуществу кипчакских, которые к тому времени составляли основное население степи — от Великой Китайской стены до Дуная. Сами монголы после походов XIII в. частью вернулись на свою родину, частью постепенно растворились в тюркском массиве Средней Азии и Поволжья. Сохраняя зачастую древние монгольские племенные названия, они утрачивали свой язык, мусульманизировались, их знать сливалась со знатью тюркских племен. Новые тюркские аристократические роды присваивали себе монгольские генеалогии. Вплоть до XX в., например, среди казахов претендовать на высшие титулы могли лишь те, чьи шеджере (родословные списки) подтверждали происхождение из „золотого рода“ Чингизидов» [Кляшторный, 2003: 123].

Как видим, именно наличием у кочевников евразийских степей родо-племенной традиции или же обладанием «асабией» (кровным родством), по Ибн Халдуноу, основанной на идеологии «от рода к государству», можно объяснить факт стремительного создания новых государств на месте распавшихся прежних, поскольку племена и племенные союзы в данном случае служили своего рода «фундаментом» для формирования на их базе государственных образований.

В заключение, выражая уважение к творческому наследию С.Г. Кляшторного, хотела бы подчеркнуть, что истинный ученый по отношению к объекту своего исследования всегда честен и никогда не допустит искажения исторической истины в угоду чьим бы то ни было амбициям, поскольку априори безразличие и интолерантность не могут породить объективного научного результата.

Литература

- Бичурин, 1998 — *Бичурин Н.Я.* Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. Т. 1. Алматы, 1998.
- Дугин — *Дугин А.Ф.* Ратцель: политическая география как предшественница геополитики [Электронный ресурс]. URL: <https://www.geopolitica.ru/article/fratcel>
- Кляшторный, 2003 — *Кляшторный С.Г.* Проблемы политогенеза кыргызской государственности. Бишкек, 2003.
- Кляшторный, Савинов, 1994 — *Кляшторный С.Г., Савинов Д.Г.* Степные империи Евразии. СПб., 1994.

- Кляшторный, Савинов, 2005 — *Кляшторный С.Г., Савинов Д.Г.* Степные империи древней Евразии. СПб., 2005.
- Кляшторный, Султанов, 2009 — *Кляшторный С.Г., Султанов Т.И.* Государства и народы Евразийских степей: от древности к новому времени. 3-е изд., испр. и доп. СПб., 2009.
- Малов, 1951 — *Малов С.Е.* Памятники древнетюркской письменности. М.; Л., 1951.
- Оразбаева, 2017 — *Оразбаева А.И.* Формула государственности казахов. М., 2017.
- Садри Максуди, 2002 — *Садри Максуди Арсал.* Тюркская история и право. Казань, 2002.